

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. «Но примешь ты смерть от кота своего...»	5
Глава 2. Битва за Ламское море: «Тунгусы пальмами искололи...»	18
Глава 3. Битва за Ламское море: «Днём и ночью на ружье лежим...»	29
Глава 4. Битва за Ламское море: «Горячее вино для государевой службы»	40
Глава 5. Людоед с Севера	49
Глава 6. Самая маленькая глава о самом последнем удельном княжестве	62
Глава 7. Зачем казак Иван ходил «до китайского Крыму»	64
Глава 8. Китайский «язык» Ерофея Хабарова.....	77
Глава 9. Три китайских казака и шпион из «Никанского царства»	86
Глава 10. Гроб на двоих: «Около Байкалова моря...» ...	99
Глава 11. Гроб на двоих: Стратегическая репа	113
Глава 12. «Корейский нос» и «сверхъестественные ружья»	130
Глава 13. «Их бог — это сын царя, убитый китайцами...»	141
Глава 14. От Кончатки до Камчатки, или «Русская мечта» первопроходца Ивана.....	154
Глава 15. «Байдарки с крыльями»	163
Глава 16. Чукотские войны: Витязи в костяной бронь	183
Глава 17. Чукотские войны: Последняя песня тойона Наихню.....	207
Глава 18. Как соболев и белка заменяли России нефть и газ	228
Глава 19. «Товарищи по жене...»	251

Глава 20. «Баба тунгусская» и «жёнка погромная» ...	269
Глава 21. «Заслуживать вины свои» Курилами	279
Глава 22. «На бою ранен в муде»: мозаика фактов из истории первопроходцев.....	295
Глава 23. «Дабы дети без обучения не оставались дураками...»	314
Глава 24. «Это, конечно, Россия, но XVI века...»	334
Глава 25. «Пытаясь гнать водку даже из гнилой рыбы...»	351
Глава 26. Почему же продали Аляску?	363
Избранная документальная библиография	379

ГЛАВА 1. «НО ПРИМЕШЬ ТЫ СМЕРТЬ ОТ КОТА СВОЕГО...»

Почему русская экспансия в Сибирь, начавшаяся с потерь и даже трагикомедий, увенчалась успехом

Поход Ермака в Сибирь давно стал мифом и эпосом. Но первые вылазки за Урал совершали еще новгородцы, за века до легендарного победителя хана Кучума. Почему же освоение Сибири не началось раньше? Ермак Тимофеевич погиб «на диком бреге Иртыша», нашли смерть все его атаманы. Погиб и первый отряд регулярного войска России, ушедший на помощь Ермаку. Даже комендант первого русского острога за Уралом почти сразу был убит... собственным котом. Но все эти потери и провалы не помешали феноменальному успеху сибирской экспансии! Попробуем ответить — почему.

«ВОЕВАВШИЕ ПО ОБЕ РЕКЕ ДО МОРЯ...»

Первый известный нам поход русских людей к востоку от Урала произошел за 220 лет до Ермака. «Той зимы с Югры новгородцы приехаша, дети боярские и молодые люди, и воеводы Александр Абакунович, Степан Ляпа, воевавшие по Обе реке до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша...» — сообщает «Новгородская первая летопись» за год 6872 от сотворения мира (1364 г. от Р. Х.).

Это первая точно известная нам попытка русской экспансии в Сибирь. Если же брать иные, менее внятные упоминания летописей, то первые вылазки наших предков за Урал состоялись еще в XII столетии. Последний поход независимого Новгорода «в Югру» состоялся в 1445 году, спустя два десятилетия

великий князь Иван III отдал приказ о первом походе московских войск за Урал.

Современники Христофора Колумба, московские бояре Тимофей Скрыба и Иван Салтык трижды ходили за Урал, преодолев на лыжах не многим меньше, чем проплыл на каравеллах первооткрыватель Америки. Но вплоть до эпохи Ивана Грозного все «лыжные рати», вполне успешные в военном отношении, так и не превратились в систематическую экспансию на восток.

Для такого завоевания требовалось единое государство, а не система удельных княжеств. И как только на карте Евразии появилась Россия от Архангельска до Астрахани, так и началось неудержимое движение «встречь солнцу» — за один век от Урала до Камчатки. Перехватив континент от Белого моря до Каспия, русские цари не только приватизировали наследие Золотой Орды, но и оседлали все пути соболиной торговли, игравшей в ту эпоху роль не меньшую, чем сегодня экспорт нефти и газа.

Когда Иван Грозный в ходе Ливонской войны захватил Нарву, то мех составил 80% стоимости всего потока русских товаров через этот балтийский порт. Одна шкурка соболя в среднем стоила от 5 до 20 рублей, тогда как хороший дом в Москве обходился в 10 рублей, а средняя лошадь — в 2 рубля.

Лучшие «седые соболя», отличавшиеся чёрным мехом с серебристым отливом, обитали за Уралом. Поэтому самочинный набег Ермака в «сибирское царство» Кучума по стоимости потенциальной добычи ничем не уступал походам испанских конкистадоров в различные «эльдorado» тогда ещё не «латинской» Америки.

«И БЫЛ У ТОВО ВОЕВОДЫ С СОБОЮ ПРИВЕЗЁН КАЗАНСКОЙ КОТ...»

Основные перипетии начавшейся в 1581 году сибирской эпопеи Ермака общеизвестны, куда интереснее реакция государства. Поход Ермака, как и прежние набеги новгородских ушкуйников за Урал, мог остаться просто лихим эпизодом, удачной разовой «экспроприацией» пушных богатств Западной Сибири, если бы вслед за казаками почти сразу не двинулись регулярные войска большой централизованной державы.

Уже в мае 1583 года из Москвы на помощь Ермаку выступил отряд князя Семена Дмитриевича Болховского. Служилый князь, обедневший потомок владельцев Звенигорода (всего имущества — трое «дворовых» и шесть крестьян), возглавил отряд из пяти сотен казанских, пермских и вятских стрельцов. Покорять Сибирь отправились дети тех, кто брал Казань...

Одним из последних распоряжений умирающего царя Ивана Грозного был указ для Строгановых снабдить отряд князя Болховского речными кораблями-стругами со всеми припасами. Именно отряд князя Семёна, спешивший на выручку Ермаку, основал первое поселение Русского царства за Уральскими горами — летом 1584 года на берегу реки Тагил у горы Медведь-Камень стрельцы князя Болховского основали Верхтагильский «городок».

В самом начале русской экспансии за Урал этот «городок» служил основным перевалочным пунктом на пути в глубь Сибири — не случайно уже в следующем XVII веке, когда городок был покинут, русские люди прозвали его «Ермаково городище». Хотя сам Ермак к «городку» отношения не имел, но первый острог за Уралом стойко ассоциировался у наших предков именно с самым началом «покорения Сибири».

Поход князя Семена Болховского, первая операция регулярных войск в эпопее первопроходцев, венчается трагедией — в разорённом войной «Сибирском ханстве» крупный отряд не смог прокормиться, начался голод и вызванный им «мор». Большая часть стрельцов и сам князь вскоре погибли не в бою, а от голода и болезней.

Трагической, точнее трагикомической оказалась и судьба первого коменданта первого русского «городка» за Уралом. Профессия первопроходца была очень опасной — погибнуть в бою, умереть от голода или от разгула стихии было делом обычным. Но вот первый комендант первого острога за Уралом погиб так, что уже тогда прославился на всю московскую Русь — его загрыз собственный кот!

Нижегородский сын боярский Рюма Языков командовал несколькими десятками «казанских стрельцов», оставленными отрядом князя Семена Болховского в качестве гарнизона Верхтагильского городка. Как пишет летопись: «А воевода в нём был с Москвы Рюма Языков. И был у тово воеводы с собою привезён казанской кот большой. И всё де ево подле себя держал Рюма. И тот кот спящему ему горло пряде и до смерти заяде в том городке...»

«Котом казанским» тогда на Руси называли особую породу бойцовых камышовых котов, которую действительно вывели в Казанском ханстве. Считается, что эта порода до нашего времени не сохранилась — знаменитые сибирские кошки предположительно дальние, помельчавшие потомки «кота казанского».

Камышовый кот запросто рвёт кур, человеку с ним справиться трудно — так что загрызть спящего такой «котик» вполне может. Одним словом, перефразируя стихи Пушкина про нижегородского сына боярского Рюму Языкова, одного из первых

государственных первопроходцев, можно сказать так:

И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от кота своего.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ДЕТИ

Рюма Языков был потомком старинного золотоордынского рода — его предок, мурза Енгулей Язык, принял крещение и перешел на службу ещё к Дмитрию Донскому. В эпоху Ивана Грозного «дети боярские» Языковы жили в Нижнем Новгороде и участвовали в покорении Казанского ханства.

Писцовая книга города Казани за 1565 — 1568 голды указывает, что «направо з Большие улицы в переулок к Кабацким воротам...» седьмым по счёту стоит «двор сотника стрелецкого Рюмы Языкова». Именно с этого двора Рюма (это, кстати, не имя, а повторившееся в его роду прозвище, что-то типа одноколенного «угрюмый») и выехал на восток, за Урал, с первым отрядом русского регулярного войска, отправленного на помощь Ермаку в Сибирь... Вероятно, отсюда же он увёз с собой и рокового «кота казанского».

Кот загрыз Рюму в 1586 году, уже в царствование Фёдора I, сына Ивана Грозного. Можно лишь гадать, что думали и говорили в Кремле, когда читали донесение, пришедшее с той стороны Уральских гор: «В городе Верхтагиле воевода Рюма Языков заеден казанским котом, которой был при нём несколько лет безотлучно...»

«Заеденный котом» Рюма явно был не первой молодости, то есть имел детей. Многочисленный род дворян Языковых в XVII — XIX веках хорошо известен в русской истории, вплоть до генералов эпохи наполеоновских войн и близкой подруги Гоголя. Жаль, Николай Васильевич не знал историю

с «котом казанским», мог бы обогатить русскую литературу колоритным сюжетом.

Но нам сейчас куда интереснее иной сюжет, связанный с Рюмой Языковым, русским потомком ордынского мурзы. Одна из ярчайших деталей эпохи русских первопроходцев — это широкое участие в их отрядах... нерусских.

Спустя всего поколение после Ермака в войсках Красноярского острога во всех боях и походах 30 — 40% оставляют «подгородние татары», племена «аринцев», «ястынцев» и «качинцев». Первые два это кеты, а третьи — хакасы. Также, например, уже в начале XVIII века в воюющих с чукчами русских отрядах от трети до большинства постоянно составляли якуты, юкагиры, коряки...

И такое положение характерно для всех географических районов и временных отрезков сибирской эпопеи. Умелое привлечение местных союзников — еще одна причина феноменального успеха первопроходцев. И начался этот процесс почти сразу: когда в 1618 году под стены Москвы в последний раз явилось большое польское войско, то при защите русской столицы отличился «касимовский царь Арслан», потомок Чингисхана и внук последнего сибирского хана Кучума.

ССЫЛКА В СИБИРСКИЕ КАЗАКИ

Но на «сибирской службе» русских царей отличились не только аборигены. Например, в 1684 году на Енисее среди 43 «детей боярских» как минимум 15 (свыше трети!) имеют «польское» происхождение. Они не столько поляки, сколько «литвины», как в XVII веке в Сибири именовали всех пленных из Речи Посполитой, в основном с территории современных Белоруссии и Украины. Такие военнопленные, оказавшись за много тысяч вёрст к востоку, на-

чинали вполне верой и правдой служить русскому царю.

Многие оседали в сибирских острогах, заводили семьи, и их потомки становились уже вполне русскими «детьми боярскими» и «служилыми казаками». Например, Иван Козыревский, первооткрыватель Курил и основатель первого православного монастыря на Камчатке, был внуком такого пленника «польской породы» (тоже реальный термин той эпохи).

Более того, в сибирских острогах XVII века на русской службе замечен даже француз. В документах тех лет он именуется «Савва Французенин». В Москву этот франкоязычный выходец из Брабанта попал около 1610 года в качестве дипкурьера от Морица Оранского, лучшего западноевропейского полководца той эпохи. В самый разгар Смуты «французенин» по неизвестным нам причинам задержался на Руси, а в 1615 году, опять же по неизвестным причинам, был сослан в Сибирь.

Ссылка его оказалась выгодной для государства — «французенин» был опытным командиром, к тому же грамотным (но все челобитные из Сибири в Москву писал исключительно по-французски). Поэтому в Тобольске его записали в «дети боярские» и положили приличное жалованье — 17 рублей в год, в 3 раза больше обычного оклада рядового «служилого казака».

Впрочем, большинство ссыльных составляли русские — и первыми из них еще в 1597 году стали жители Углича, обвиненные по делу об убийстве царевича Дмитрия и сосланные за Урал строить Пелымский острог. В зауральскую ссылку они шли уже по новой «барабинской» или «сибирской» дороге — первой в русской истории специально спроектированной и построенной трассе, которая соединяла бассейн Волги с притоками Иртыша и была в три раза

короче прежнего пути, по которому за Урал шёл Ермак. Как видим, с самого начала эпопеи первопроходцев государство не забывало и вопросы логистики...

Ссылные по делу царевича Дмитрия открыли историю каторжного освоения Сибири. Впрочем, до XVIII столетия каторга за Уралом обычно заменялась «пешей казачьей службой» — целый век все самые пассионарные элементы, участники «соляных», «медных» и пугачёвских бунтов, целенаправленно закатывались государством за Урал, где «русский фронтир» находил полезное применение их буйному нраву.

РУССКАЯ МЕЧТА И ВОЕВОДЫ БЕЗ ЖАЛОВАНЯ

«Профессия» первопроходца была смертельно опасной, большинство гибло, но примеры личного успеха манили на восток всё новых и новых «охочих людей». Иван «сын Мерькурьев» по кличке Рубец — первый русский, о котором документально известно, что он в 1662 году побывал на Камчатке. Его личная доля в меховой добыче, привезенной с ещё неведомого полуострова, на таможне в Якутске была оценена в 1050 рублей — стоимость сотни хороших домов в Москве того времени! Современники обоснованно подозревали, что ещё больше камчатских мехов Иван Рубец утаил, дабы не платить лишнюю пошлину. Первопроходец по кличке Рубец умер от старости в родном Тобольске в своей постели богатым человеком — и такие манящие примеры в ту эпоху были не единичны...

При этом первые сибирские воеводы XVII века не получали жалованья. Все находившиеся под их началом «служилые люди» получали его деньгами и хлебом. Сами же начальники были как в том анекдоте: «Выдали пистолет — крутись, как хочешь». Но